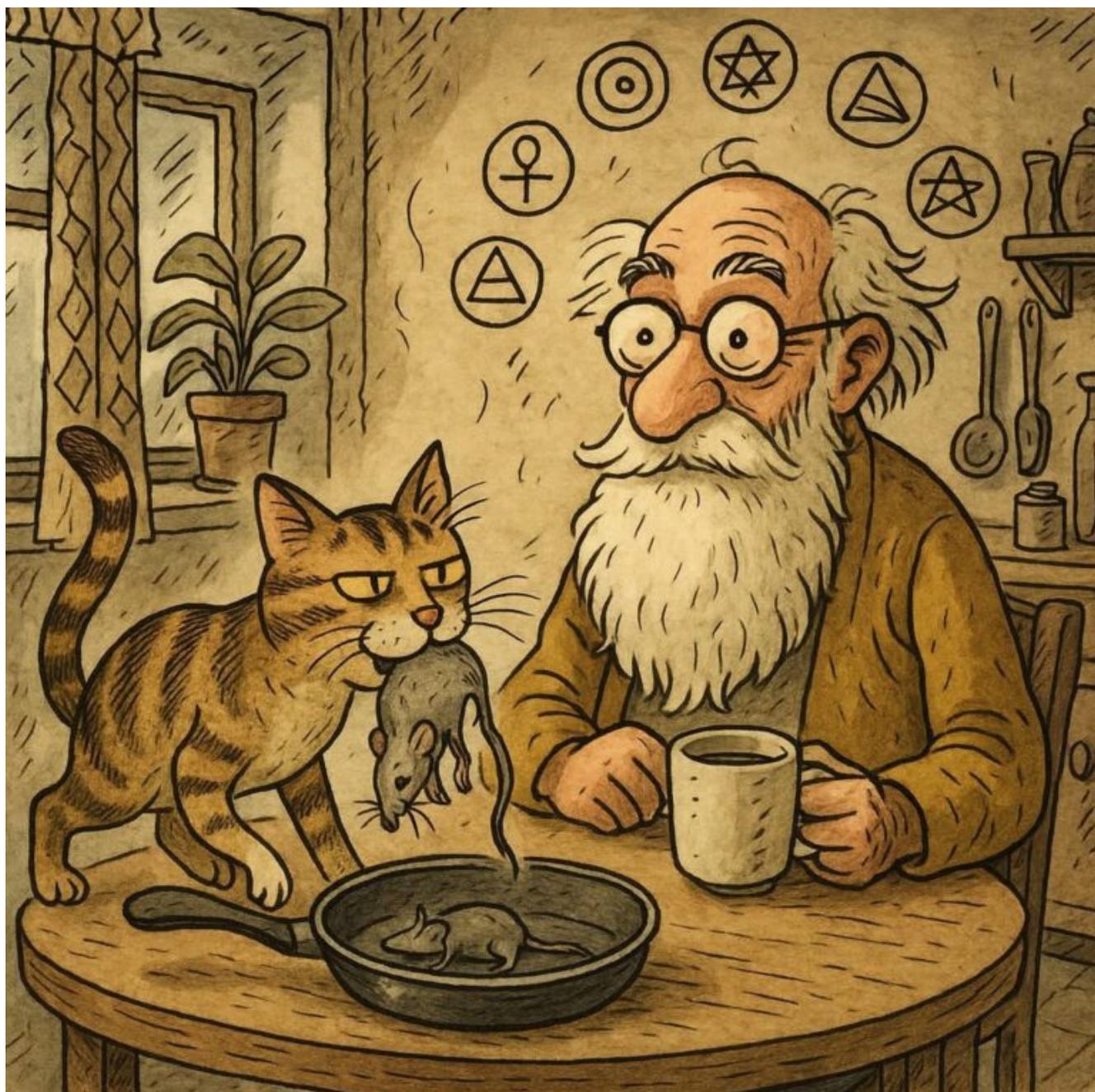

ПРО ТО , ЧТО НЕ СТАНОВИМСЯ МОЛОЖЕ...

Старость нельзя встречать с пустыми руками, потому что в этот момент тебе уже некому сунуть свою пустоту. Все либо разошлись по своим старостям, либо сидят на своих зимних резиденциях, любясь котами, которых завели вместо детей. Да и честно говоря, в старости пустота начинает звенеть громче – и если она ничем не подперта, например, пачкой заначанных купюр или хотя бы деревянным табуретом, то звенит невыносимо. Особенно

ночью. Когда сквозь щель между унитазом и вечностью начинает дуть сквозняк.

Я, конечно, не старик. Я временно молодой. То есть, уже нет иллюзий, что молодость – это навсегда, но ещё есть иллюзия, что смерть где-то позже обеденного перерыва. И потому я заранее тренируюсь к старости, как спортсмен к марафону. Только мой марафон – это забег в вечность с чемоданом без ручки и душой без крепления.

Конечно, все твердят: будь готов! Подготовься! Деньги, крыша, в идеале – две. Одна – на зиму, вторая – от летней жары и назойливых внуков. Машина, чтоб не зависеть от трамвайных настроений и чужих запахов. И всё это, разумеется, должно быть твоё. Не вздумай переписывать имущество ни на кого. Даже на кота. Хотя если он приносит мышей – стоит подумать. В крайнем случае, можно оформить дачу на него, пусть несёт ответственность за клубнику.

Но знаешь что? Чем больше я это слушаю, тем больше пахнет не жизнью, а паническим консервированием страхов. Ведь, по сути, мы готовимся не к старости, а к катастрофе. Как будто старость – это конец света, где выживет только тот, у кого генератор, двадцать банок тушёнки и золотая карточка в швейцарском банке. Ну или хотя бы подушка с евро под позвоночником.

Я предпочитаю не иметь лишних вещей. Потому что каждая вещь – это вампир. Даже носки. Особенно носки. Сначала ты покупаешь один комплект, потом второй – на случай холодов, потом третий – с пингвинами, «потому что смешные». А потом они смотрят на тебя из ящика, требуя внимания, стирки и уважения. И ты, безоружный перед этим армейским строем трикотажа, понимаешь: ты не хозяин – ты обслуживающий персонал своей жизни.

Есть тонкая грань между тем, когда ты владеешь вещами, и тем, когда вещи начинают управлять тобой. Знаешь, как это начинается? Ты просто хочешь удобный диван. Потом удобный стол под этот диван. Потом свет, который красиво падает на этот

стол, чтобы не портить атмосферу. А потом ты уже платишь ипотеку за дом, в котором удобно стоит диван.

И вот ты лежишь на нём – старый, уставший, с крышей над головой (двумя, если повезло), машиной в гараже и полным комплектом страховок. Но в какой-то момент, среди этой идиллии, ты слышишь скребущуюся правду: ты не жил, ты охранял имущество.

А ведь искусство жить – это уметь и вкусно есть, и крепко спать. Не потому что ты съел индейку, а потому что ты не боишься, что в три часа ночи придут и заберут её. Или холодильник. Или твоё имя с дверного звонка. Ведь на самом деле – ничто нам не принадлежит. Даже тело – временная аренда, с износом, без возврата депозита. А душа? Душа принадлежит только Богу. Или кошке. Смотря, кто из них первым тебя разбудит.

Поэтому да, я за то, чтобы иметь хотя бы кота. Или пса. Хотя бы кого-то, кто в старости принесёт тебе миску воды. Или пойманную мышь. А может быть, просто сядет рядом и посмотрит на тебя глазами, в которых нет налоговой и не слышно разговоров про пенсию.

Потому что это и есть – роскошь. Роскошь не зависеть. Роскошь быть живым среди вещей, которые не требуют, а служат. Роскошь стареть с улыбкой, а не с графиком выплат. Старость – это не выживание, это форма медленного воскресения. Но только если ты пришёл к ней не с чемоданами, а с сердцем. Полным, как миска любимого кота.

П. Твардовски Псикус Таткин